

Влияние норм традиционной японской морали на формирование концепта «счастье»

Н.Н. Изотова

В статье в рамках антропоцентрической парадигмы, сложившейся в лингвистике к рубежу тысячелетий, рассматриваются особенности японской традиционной морали и исторической традиции, анализируется их влияние на формирование концепта СЧАСТЬЕ в японской лингвокультуре. Особое внимание уделяется соотношению языка и культуры, языка и национального менталитета, языка и сознания.

Цель данной статьи – рассмотреть и проанализировать специфические особенности японской национальной морали и исторической традиции, влияющих на представление японцев о счастье. Концепт СЧАСТЬЕ очень противоречив и сложен для описания. Он представляет собой некую условную ментальную единицу, с помощью которой можно изучать язык, сознание и культуру. Познать эту абстрактную сущность в полной мере не дано никому в силу ее субъективно - объективной природы, можно лишь в какой-то степени приблизиться к ее пониманию.

Современное языкознание характеризуется возрастанием роли антропоцентрического, культурологического и когнитивного подходов к изучению языка, который выступает источником сведений о концептуальных структурах сознания. Новая научная парадигма ставит новые задачи в исследовании языка, особое внимание уделяется вопросам соотношения языка и культуры, языка и национального менталитета, языка и национального сознания, а также языка и национальной самобытности. При этом отмечается сложность соотнесения феноменов «язык» и «культура». Язык является одновременно и частью культуры и внешним для нее фактором. Кроме того, существует двусторонняя связь между языком и сознанием. Категории

сознания реализуются в языковых категориях и одновременно детерминируются ими.

В лингвокультурологии концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека¹. Концепты возникают в сознании человека не только на основе словарных значений слов, но и на основе личного и народного культурно-исторического опыта, и чем богаче этот опыт, тем шире границы концепта, тем шире возможности для возникновения эмоциональной ауры слова, в которой находят свое отражение все стороны концепта². По мнению Ю.С.Степанова, именно эта особенность позволяет определять концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека то, посредством чего человек входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее». Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений³.

Идея СЧАСТЬЯ занимала людей ещё со времен античности. Различные фелицитарные концепции разрабатывались Аристотелем, Сенекой, Эпикуром, Августином Блаженным, Фомой Аквинским, Конфуцием. В Новое время его не оставили без внимания Гельвеций, Фейербах, Бентам, Милль. Фундаментальный труд «О счастье и блаженстве человека» принадлежит польскому философу В. Татаркевичу. Своё су-

ждение о счастье высказывали практически все мыслители, занимавшиеся вопросами этики.

Такой поистине феноменальный интерес к СЧАСТЬЮ со стороны умнейших людей всех времён лишний раз подтверждает, что представления о счастье принадлежат к наиболее коренным категориям культуры, являются ядром национального и индивидуального сознания, а отношение к нему входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека. В силу своей этнокультурной специфичности концепт этот получает неодинаковую трактовку в контекстах различных культур. Именно поэтому изучение концепта СЧАСТЬЕ в японской лингвокультуре представляется интересным не только с точки зрения анализа его лексико-семантических характеристик, но и с целью выявления его аксиологического значения как отражения социокультурных ценностей.

Как известно, естественным для характеристики счастья является содержание тех ценностей, которые человек считает важными для себя. Стремление к счастью, т.е. к реализации ценностных установок, определяется морально-этическими нормами, которыми руководствуется человек. Поэтому анализ такого многомерного концепта СЧАСТЬЕ представляется неполным без увязки с основными нормами традиционной японской морали – до:току 道徳. Это слово имеет китайское происхождение. В этимологии первого иероглифа 道 присутствуют значения «дорога, путь, долг, мораль, учение, способ», второй 徳 имеет значение «нравственность, добродетель, мораль».

В буквальном переводе, японское слово мораль- до:току означает «путь добродетели». И здесь, как представляется, уже заложено существенное отличие японского понимания нравственности от русского или европейского – это не свод правил, а именно путь, движение по пути нравственного совершенствования. Японская культура не устанавливает некие высокие нравственные идеалы, она как бы очерчивает бесконечно далекую перспективу возможного нравственного развития личности. Человек японской культуры в своем нравственном росте может двигаться быстрее, медленнее, но он не может быть вне этого пути. Проступок, преступление расценивается как отклонение от верного пути, и если человек вовремя не осознал этого, и не вернулся на путь добродетели, то его дальнейшее существование не представляется возможным. Существование вне морали подрывает устои общества и ведет к хаосу.

Второй иероглиф слова мораль току 徳, помимо вышеперечисленных значений имеет еще одно смысловое значение - «быть благодарным, ценить». На наш взгляд, именно второе смысловое значение наиболее точно отражает специфику понимания морали, присущее японскому обществу. Нравственное существование, путь добродетели - это именно путь благодарности.

Японский толковый словарь определяет понятие «мораль», как базовое основание общественной жизни, как основные принципы поведения, которые должен соблюдать каждый человек для сохранения порядка в социуме⁴.

В своем докладе «Японская мораль до:току» существенно отличается от западной морали», прочитанным сотрудникам компании Идемицу с целью пропаганды норм традиционной японской морали, президент и основатель компании «Идемицу» Садзо Идемицу опирается в своих рассуждениях на высказывания философа Судзуки Дайсэцу, который в 30-х годах, вернувшись из поездки в США, говорил: японская мораль до:току значительно отличается от западной. Западная мораль – это не более чем свод правил и законов, ограничений и регуляторов, созданных императорами и королями для успешного управления подчиненным им населением. Придерживаться этих установлений считается моральным, хотя по сути это лишь подчинение написанному на бумаге. Принципы японского до:току исходят непосредственно из сердцевины существа человека, вдохновляя к дружественной и счастливой совместной жизни. Мораль до:току отнюдь не простое соблюдение инструкций⁵.

В русле лингвокультурологических исследований в рамках данной статьи представляется интересным анализ безэквивалентных языковых единиц (по Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову, 1980) – обозначения специфических для данной культуры явлений, которые являются продуктом кумулятивной (накопительной, закрепляющей опыт носителей языка) функции языка и могут рассматриваться как вместилища фоновых знаний, то есть знаний, имеющих в сознании говорящих. «Различия между языками обусловлены различием культур и легче всего они демонстрируются на материале лексических единиц и фразеологизмов»⁶.

Японец, воспитанный в духе до:току, должен обладать следующими качествами:

1). Самоотречение – сутэми 捨て身 (букв. выбросить себя) и связанное с ним бескорыстие муёку 無欲 (букв. отсутствие желаний). Благородный человек использует свои достоинства не для себя, а для всех. С точки зрения норм западной морали, а в последнее время и российской, самоотречение, забвение собственных интересов зачастую воспринимается как абсурд. У японцев самоотречение стоит на первом месте и все остальные нормы вытекают из него.

2). Взаимопомощь и готовность идти на компромисс – годзё-годзё: 互助互譲. Суть этого качества в том, чтобы думать о других больше, чем о себе. Некоторые люди не только не принимают принцип годзё-годзё:, но зачастую враждебно встречают саму мысль о возможности подобного отношения к окружающим. Для западного человека годзё-годзё: – зачастую проявление трусости, попрание прав человека, дискриминация личности. А истинный японец

понимает, что соблюдение норм годзё-годзё: при общении с окружающими так же необходимо, как соблюдение правил уличного движения на городской магистрали.

Принцип годзё-годзё: перекликается с коллективизмом, идеями русской «соборности», когда интересы общества ставятся выше интересов отдельной личности.

3). Нормы гири-ниндзё: 義理人情 Перевода этого понятия на иностранные языки не существует, так как в других странах нет его этического эквивалента. Гири обычно переводят как «моральный, нравственный долг». Иероглиф ги 義 имеет такие значения, как «справедливость, долг, честь, самоотверженность, рыцарство», ри 理 – «основание, причина, довод, правда, справедливость, закон». Лексема «долг» в русском языке может иметь и отрицательное значение, гири коннотирует только положительные ассоциации.

Ниндзё: переводится как «гуманность, человеколюбие». Ниндзё: состоит из двух иероглифов – хито 人 (человек) и дзё: 情 (чувство, любовь, жалость, сострадание, теплое чувство). Понятие гири тесно связано с понятием он 恩 (чувство благодарности). Поскольку японцы испытывают чувство благодарности к обществу, они не могут быть равнодушны к желаниям окружающих и проявлять равнодушие, заботясь о своем личном благе. Гири – это и обязательство, и ритуал выполнения обязательства, и долг благодарности. Гири проявляется в широком смысле – в общении вышестоящего с нижестоящим, во взаимодействиях между равными, в ритуалах общения между соседями и сослуживцами.

«Гири ... ничего подобного не имеется в английских наиболее важных аспектах человеческих отношений: начальник-подчиненный, родители-дети, муж-жена, братья-сестры, друзья и иногда даже враги и деловые отношения. С большой натяжкой можно сказать, что гири является проявлением заботы о других, от которых человек получил в долг признательность и расположение, решимостью реализовать их надежды, иногда даже за счет самопожертвования».

Между гири и ниндзё: существует тонкое психологическое различие. Так, если подчиненный делает подарок вышестоящему начальнику, которого в душе не уважает, то это гири. Но если начальник, который догадывается о таком отношении, при этом испытывает искреннее чувство благодарности, то это ниндзё:. Таким образом, можно констатировать, что гири – атрибут социальных отношений, ниндзё: – подлинные, искренние чувства. Вот как характеризует гири Иосиюки Нода:⁸

Гири – это обязанности человека по отношению к другому. Содержание и интенсивность исполнения этих обязанностей зависят от социального статуса. Есть гири ребенка по отношению к родителям, ученика – к учителю,

подчиненного к начальнику, должника – к кредитору и т.д.

Человек не имеет права требовать от другого исполнения обязанностей гири. Он должен ждать, когда тот добровольно станет их осуществлять. Человек, не проявляющий гири по отношению к тому, к кому оно должно проявляться, рассматривается в Японии как личность, достойная презрения, однако считается, что гири нельзя получить принуждением, и тот, кто заставляет другого исполнять гири, сам оканчивается его нарушителем. Любой в Японии, исполняющий долг гири или принимающий его от другого, входит составным звеном в цепь взаимоотношений. В связи с этим можно сказать, что нормы гири пронизывают японскую культуру сверху донизу.

Отношения гири неизменны. Раз возникнув между двумя людьми, они продолжают жить до конца их дней. Это характерно для бытовых, деловых, профессиональных взаимоотношений: человек, который проводит досуг с одним, не будет проводить его с другим; покупатель, пользующийся услугами одного торговца, не пойдет к другому и т.д.

Те, кто отступает от норм гири, теряют лицо. Их престиж в глазах окружающих сильно падает, они воспринимаются в качестве беспардонных и даже безнравственных личностей. В свою очередь отступники испытывают чувство стыда, «не могут смотреть людям в глаза».

4). Скромность и сдержанность – кэнкё 謙虚. Скромность и сдержанность одна из основных норм японской морали. В японском обществе проявления скромности ждут от любого, независимо от его социального положения. Самоуверенность и выпячивание собственных достоинств не приветствуется, необходимо проявлять вежливость и предупредительность по отношению к окружающим. Достоинства скромности иллюстрирует пословица: «Гордыня ведет к поражению, а скромность вознаграждается». Ман ва сон о манеки, кэн ва эки о уку 満は損をまねき 謙は益を受く. Еще одна поговорка о скромности: «Умный ястреб прячет свои когти». Но: ару така ва цумэ о какусу 能ある鷹は爪お隠す. Это означает, что действительно одаренные люди не выставляют свои способности. Другими словами, в японском обществе не принято выделяться, кичиться своим богатством или своими достижениями. Именно на это намекает поговорка – «Торчащий кол всегда забивают». Дэру куй ва утарэру 出る杭は打たれる.

Понятие скромности в Японии изначально происходит из предположения, что личная честь ценится так же, как и честь любого другого. Другими словами, каждый имеет право на уважение своего достоинства. Такое отношение долгие годы защищало групповое сознание и гармоничный жизненный уклад японцев.

5). Стыд, стеснительность, деликатность – хадзи 恥. Хадзи занимает важное место в мо-

ральном сознании японцев, проявляется в японском этикете и обязывает вести себя порядочно, скромно. Японскую определительную конструкцию хадзи о сиру 恥を知る - букв. «знать стыд» можно перевести как «добродетельный человек», «человек чести». Таким образом, в японском понимании «человек чести» никогда в своём поведении не может допустить такого поступка, за который ему будет стыдно перед окружающими.

Японский писатель Юкио Мисима писал, что мораль японцев - мораль пристального внимания к внешней стороне жизни. Человек японской культуры всегда задается вопросом: не опозорю ли я себя? Не будут ли презирать меня окружающие? Это мораль видимостей, когда выглядеть здоровым гораздо важнее, нежели быть здоровым. Казаться смелым, решительным гораздо важнее, чем быть таковым⁹. Как это не парадоксально, если человек лишь выглядит смелым, но таковым не является, он вдвойне достоин уважения, так как подразумевается, что поставив себе некую цель (в данном случае быть смелым), он будет обязан добиваться соответствия внешней стороны внутреннему содержанию. Зачастую именно «видимость» является механизмом нравственного самосовершенствования японца. Если же японец совершает неподобающие действия, ставит в неудобное положение других, нарушает установленные порядки, он переживает чувство вины - цуми 罪.

6). Дух «жертвенности» - гисэйсин 犠牲心. Данный перевод не совсем соответствует сути понятия, так как гисэйсин - это добровольное и сознательное желание отплатить за добро и благодеяния, получаемые от нации и общества. Человек готовится подчинить свое «я» тем, к кому он испытывает чувство, отдать им всё вплоть до жизни. Говоря о гисэйсин нельзя не упомянуть о бусидо: 武士道 (букв. путь воина) - моральном кодексе самураев, в котором очень ярко выразился дух японской нации. Главные идеи бусидо отражены в книге Хагакурэ 葉隠れ, что означает «сокрытый в листе». Тексты, вошедшие в эту книгу, написаны представителями военного сословия - самураями и адресованы они также в первую очередь воинам.

В Хагакурэ рассматриваются такие нравственные понятия, как честь, смерть, доблесть, преданность господину, достоинство, самосовершенствование, долг, самообладание. Красной нитью в Хагакурэ проходит идея смерти. Многие исследователи характеризуют эту идею как презрение к смерти, однако можно определить её и как презрение к жизни. «Путь самурая обретается в смерти... Если укрепляя свое сердце решимостью каждое утро и каждый вечер, человек сможет жить так, словно тело его уже умерло, путь будет для него свободен. Вся жизнь его будет безупречна, и он добьется успеха на своем поприще¹⁰. Хагакурэ воспитывает у воина презрение к человеку, который не добился поставленной цели и продолжает

жить. Счастье самурая заключается в верности господину, готовности в любую минуту отдать за него жизнь. «Принадлежать к клану, в которых господа и подданные связаны настолько крепкими узами, - это невыносимое СЧАСТЬЕ из века в век выпадающее как крестьянину, так и жителю города. Еще большее СЧАСТЬЕ для воина. Самурай клана Набэсима должен осознавать это СЧАСТЬЕ всей глубиной своего сердца; он должен быть исполнен глубокой решимости отплатить за него самоотверженным трудом»¹¹. В Хагакурэ можно найти истоки практически всех норм современной японской морали, в том «числе верность долгу»: «Нет ничего, что ощущалось бы так глубоко как гири. Бывает, что умирает кто-то из родственников, например, двоюродный брат, и глаза наши остаются сухими. Но мы можем услышать о совершенно чужом и незнакомом нам человеке, который жил пятьдесят или сто лет назад, и ощущая гири, проливаем слезы»¹².

Хагакурэ затрагивает многие сферы жизни, даже нормы речевого поведения, которые определяют манеры языковой личности в современной Японии. «Основная суть говорения заключается в том, чтобы вовсе не говорить. Если ты считаешь, что ты можешь сделать что-то и обойтись при этом без слов, тогда молча делай свое дело. Если же ты считаешь что без слов не обойтись, тогда будь скуп на слова и говори только то, что подсказывает тебе здравый смысл»¹³.

Самообладание - одна из главных черт, составляющих основу современного японского этикета. Если человек в сложной ситуации начинает выражать гнев или в счастливые моменты своей жизни бурно радуется, на него смотрят как на недостойного. Чрезмерное проявление эмоций беспокоит окружающих, доставляет им беспокойство. Если человеку грустно, он должен взять себя в руки и улыбаться, чтобы никто не догадался о его истинных переживаниях. Многие иностранцы считают, что японцы часто улыбаются без повода, иногда в неподобающих случаях. Однако улыбка японцев - результат вековых исторических традиций, закрепленных в кодексе Бусидо. «Радуйся со счастливыми и не показывай другим своих слез» - учит Хагакурэ.

Таким образом, можно сказать, что кодекс Бусидо во многом определил стереотипы поведения современных японцев, повлиял на формирование представления о счастье и нормах современной морали, а основные положения кодекса, сопряженные с гуманистическими идеалами непреходящей ценности, приобрели эталонное значение для традиционно устойчивой японской культуры.

Объяснение тому, что в Японии и в Европе сложились разные представления о счастье и нравственности, можно найти в национальной традиции, образе мысли, разнице стереотипов поведения. Многие японские культурологи считают чувство национальной принадлежности,

японский патриотизм одной из главных составляющих «японского духа», который получил выражение в т.н. «культе императора», идеологии «императорского пути» - ко:до: 皇道.

Японский народ на протяжении веков испытывал к императору чувство благодарности - он 恩. Он чисто японское понятие, эквивалента ему нет даже в Китае. Чувство он – основа японской морали дотоку. Выражение онгаэси-о суру 恩返しをする (букв. «вернуть он») переводится как «отплатить за добро», при этом японский вариант коннотирует гораздо более широкий круг проблем и ассоциаций, чем русский эквивалент. Иероглиф он имеет значения «одолжение, благодеяние, милость, благосклонность, благодарность». Он – это чувство к императору, «символу государства и единства нации», к родителям, воспитавшим и вырастившим детей, к учителю и т.п. О человеке, лишенным он, говорят: Он-о ада-дэ каэсу 恩を仇で返す (букв. «вернуть он с помощью зла») «отплатил злом за добро». Содержанием он является благодарность, взаимопомощь, сотрудничество, материальная выручка. Нормы он до сих пор присутствуют в различных формах общения и относятся к сфере деятельности различных слоев японского общества, хотя современная молодежь считает он пережитком прошлого.

С идеями до:току тесно связан принцип ва 和, то есть принцип согласия и гармонии. В семантическое поле иероглифа ва входят такие лексемы, как «мир, согласие, благозвучие, покой, гармония, штиль». В качестве определения данный иероглиф приобретает значения «тихий, мягкий, кроткий, японский». Примечательно, что древнее название Японии Ямато состоит из двух иероглифов: 大 (большой) и 和, что позволяет интерпретировать Ямато как «великую гармонию».

Ва пронизывает все сферы жизни японцев и в первую очередь проявляется в их любви к природе. Так, например, известный японский филолог Исаму Курата обозначил японскую культуру и менталитет японского народа термином сэцугэцука 雪月花 (снег, луна, цветок). «Природа неразрывно связана с японской культурой и национальным сознанием. Снег, луна, цветок – это символы. Снег символизирует смену времен года и быстротечность времени. Луна представляет космос, вселенную, вечность. Цветок ассоциируется с жизнью, которая постоянно изменяется во времени и пространстве. Японцы считают, что во всех проявлениях природы, даже когда они носят агрессивный характер по отношению к человеку, присутствуют гармония и порядок»¹⁴.

Выдающийся японский писатель Ясунари Кавабата во время вручения ему Нобелевской премии в 1968 году в своей речи сказал: «Когда любишь красоту снега или красотой луны, когда бываешь очарован красотой четырех времен года, когда пробуждается сознание и испытываешь благодать от встречи с прекра-

сным, тогда особенно тоскуешь о друге: хочется разделить с ним радость. Словом, созерцание красоты пробуждает сильнейшее чувство сострадания и любви, и тогда слово “человек” звучит как слово “друг”.

Слова “снег, луна, цветы” — о красоте сменяющих друг друга четырех времен года — по японской традиции олицетворяют красоту вообще: гор, рек, трав, деревьев, бесконечных явлений природы и красоту человеческих чувств»¹⁵.

«Творчество Кавабата преисполнено традиционной японской созерцательности, юмора, тонкого понимания природы и ее воздействия на человеческую душу. В нем раскрывается внутренний мир человека, стремящегося к счастью»¹⁶.

Таким образом, в Японии культура и мораль, упорядочивая стихийное природное начало, не противопоставляются природе (что, как известно, стало тенденцией в ходе развития западной цивилизации). Как ни парадоксально, счастье, высший смысл жизни видится в своеобразном возвращении общества к первозданной природной чистоте и гармонии. По существу, в этом проявляется стратегическая задача регулирования и гармонизации морально-эстетических ценностей на пути культурного развития.

Центральное место в японской традиции на протяжении всей истории занимает культ предков. Уважение к старшим, ответственность, доброта, терпимость, чувство солидарности, неконфликтность, вежливость во взаимоотношениях - этические основы японского социума, определившие в целом нравственный тон всей японской культуры. Нравственное поведение является нормой для повседневной жизни, но при этом японец не просто следует только внешним этическим нормам, а предпочитает их глубокое принятие и осмысление. Помимо духов предков, согласно представлениям древних японцев, весь окружающий мир населён богами – ками 神. Все окружающие предметы, растения, животные, явления природы, всё, что мог наблюдать человек, имеет свою душу, своего ками. Японским божествам свойственны все эмоции человека. Следовательно, человек должен придерживаться моральных установок не столько из страха наказания перед богами, сколько чувства ответственности за сохранение гармонии в отношениях социума с окружающим миром.

Боги присутствуют не только в предметах, но и в делах, помыслах, делах «Хотя ни предки, ни боги, разумеется, невидимы, существование каждого из них воспринимается как олицетворение общей одухотворённости»¹⁷.

Анализ некоторых норм японской морали и исторической традиции позволяет в какой-то степени приблизиться к пониманию метафизической сущности концепта СЧАСТЬЕ в японском сознании. Счастье в японском языке относится к сфере идеального и воспринимается многими как нечто недостижимое. Анализ

таких безэквивалентных языковых единиц, как гири-ниндзё, он, годзё-годзё: и др. показал, что в сознании носителей японского языка СЧАСТЬЕ концептуализируется в таких культурно значимых понятиях, как: гармония, благодарность, самоотречение, бескорыстие, взаимопомощь, взаимопомощь, нравственный долг, человечность, скромность, дух жертвенности, который подразумевает смерть, честь, достоинство, преданность, доблесть и т.д.

В социуме всегда существуют определенные, общепринятые, следовательно, объективные представления о счастье, которые выступают для индивида в качестве образца, эталона, с которым он соотносит события своей жизни и оценивает их определенным образом. Тем самым, объективную сторону счастья и его концептуализацию следует искать не в событиях реальной жизни, а в исторически сложившихся и закреплённых в культуре всеобщих представлениях о том, что такое счастье.

Японская культура сохранила в себе черты традиционности, в ней слабее, чем в западной культуре выражено индивидуальное начало. Индивидуализм, стремление отстаивать собственные эгоистические интересы исторически не рассматривались как нечто нормальное и естественное, как благо, а наоборот, всегда порицались. Характерным для японского стереотипа поведения является т.н. «боязнь» счастья, проявляющаяся в ощущении чувства внутренней неловкости и психологического дискомфорта из-за того, что многие другие люди несчастны и страдают, в то время как тебе хорошо и ты счастлив. Японцы как бы стесняются своего счастья, предпочитают его преуменьшить, а не приукрасить. Эта национальная черта характера японцев отличается от западной, при этом она

близка по духу русской традиции, для которой СЧАСТЬЕ редко соотносится с реально-земными повседневными эмоциями и относится к категории высокого, метафизического порядка. Несмотря на кажущуюся наднациональную универсальность такого понятия как счастье, не все идеи, заключённые в соответствующих разноразличных концептах, совпадают. Логично предположить, что на показатели субъективного ощущения счастья и удовлетворённости жизнью людей, живущих в разных странах, существенное влияние оказывают этнокультурные различия, национальное сознание и мировосприятие. Таким образом, можно сделать вывод об особенностях японского менталитета, воспринимающего окружающий мир, как единый космос, где признаётся неразрывная связь человека и природы, существует трепетное отношение к наследию прошлого, к предкам. Согласно мышлению японцев, мир изначально един, а любое его проявление неповторимо. Жизнь со всеми и для всех, когда прошлое воскрешается в живой памяти народа, когда предки постоянно присутствуют рядом и принимают участие в делах живых, когда человек строит своё существование в гармонии окружающей природой – идеал СЧАСТЬЯ для японца.

Izotova N.N. Influence of Traditional Japanese Moral in Formation of the HAPPINESS Concept.

Summary: The article in the framework of anthropocentric paradigm, which was established in linguistic studies by the end of the 20th century, deals with specific features of traditional Japanese moral and historical tradition and analyses its influence on the HAPPINESS concept in Japanese lingvoculture. Special attention is given to the connection of language and culture, language and national mentality, language and national consciousness.

Ключевые слова

Антропоцентрическая парадигма, концепт СЧАСТЬЕ, японская лингвокультура, традиционная японская мораль, национальный менталитет.

Keywords

anthropocentric paradigm, HAPPINESS concept, Japanese lingvoculture, traditional Japanese moral, national mentality.

Примечания

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. С.43.
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. М.: Русская словесность, 1997. С.144.
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. С.43.
4. 新明確国語辞典 Синмэйкаку кокуго дзитэн (Новый толковый словарь японского языка). Tokyo, 1997. P.989.
5. Idemitsu Sazo. Dotoku of Japan differs fundamentally from Western morals. Tokyo: Hibonsha, 1974. P.3.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2010. С.37.
7. Gillespie J., Sugiyama Y. Nihon bunka o eigo de shokai suru jiten. Tokyo: Netsumsha, 1996. P.150.
8. Noda Yoshiyuki. Introduction to Japanese law. Tokyo: 1986. P.175-179.
9. Мисима Юкио. Хагакурэ номон. Самурайская этика в современной Японии. СПб.: 1996. С.266-277.
10. Кодекс бусидо .Хагакурэ. М.: Эксмо, 2004. С.27.
11. Кодекс бусидо .Хагакурэ. С.260.
12. Кодекс бусидо .Хагакурэ. С.134.
13. Кодекс бусидо .Хагакурэ. С.250.
14. Isamu Kuruta. Setsugetsuka-no kokoro. Tokyo: 1987. P.31.
15. http://klein.zen.ru/old/Zen_text_KAVABATA.htm
16. Кавабата Я. Избранные произведения: Сборник/Составл. Б.Раскина; Послесл. Н.Федоренко. М.: Радуга, 1986. С.578.
17. Минору Сонода. Мир синто. М.: 2001. С. 31.